

Ю. Ю. Сурхаско

Козичендашаува — жезл колдуна на карельской свадьбе

В фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого поступила из Карелии коллекция, состоящая из двух посохов.¹ Посохи довольно невзрачны на вид: нет на них ни резного орнамента, ни других искусных украшений. Материал посохов самый непритязательный — оба изготовлены из ольхи. Единственное, что привлекает к ним внимание, — это обилие уродливых шишкообразных наростов на палках (рис. 1).

Однако как раз форма посохов, а еще более их материал и представляют особый интерес. Именно эти оба качества объясняют нам, почему подобные ольховые посохи еще до недавнего времени служили одним из важных атрибутов свадебного ритуала у большей части карельского населения КАССР.

В свадебной обрядности народов Русского Севера во второй половине XIX—начале XX в. было очень много общего. Эта общность свойственна как структуре ритуала в целом, так и огромному большинству обрядовых элементов. Объясняется это, с одной стороны, относительно одинаковым уровнем социально-экономического развития, а с другой — длительным культурным взаимодействием этих народов.

И тем не менее у каждого народа в свадебном ритуале имелись свои более или менее ярко выраженные особенности, своя этническая специфика. Традиционная карельская свадьба указанного периода отличалась целым комплексом особенностей от свадебных ритуалов соседних, даже родственных народов. В этом комплексе прежде всего выделяется институт патьвашки.

Патьвашка — главное действующее лицо в карельской свадьбе. В свое время советский этнограф Г. Х. Богданов метко сравнил роль патьвашки на свадьбе с положением капитана на корабле.²

Однако патьвашка — не только руководитель свадьбы, функции которого примерно соответствовали бы функциям тысяцкого в северорусской свадьбе. Основная обязанность его заключалась в том, чтобы с помощью колдовства оберегать вступающих в брак (и прочих участников свадьбы) от «порчи», которую могут наслать завистники и враждебные колдуны. Еще Э. Леннрот подчеркивал именно эту магическую сторону функций патьвашки.³ Совмещение в одном лице руководителя свадьбы и колдуна отмечалось и рядом других наблюдателей и исследователей.⁴

¹ № 6606-1 и 2.

² Г. Х. Богданов. Свадьба Ухтинской Карелии. Западнофинский сборник. Труды КИПС, вып. 16, Л., 1930, стр. 51.

³ Elias Lönnrotin matkat, t. 1. Helsinki, 1902, s. 235; E. Lönnrot. Vaeltaja. Muistelmia jalkamatkalta Hämeestä, Savosta ja Karjalasta. Helsinki, 1952, s. 105.

⁴ I. K. Inha. Kalevalan laulumailta, Helsinki, 1921, s. 146; J. Lukkarinen. Vienan Karjalassa. Hämeenlinna, 1918, s. 89, 91; A. Vilku. Das Verhalten der

Следует, однако, заметить, что во второй половине XIX—начале XX в. такое явление было характерно далеко не для всех групп карел, а главным образом для собственно карел центральных и северных районов КАССР, где в основном зафиксировано и бытование самого термина

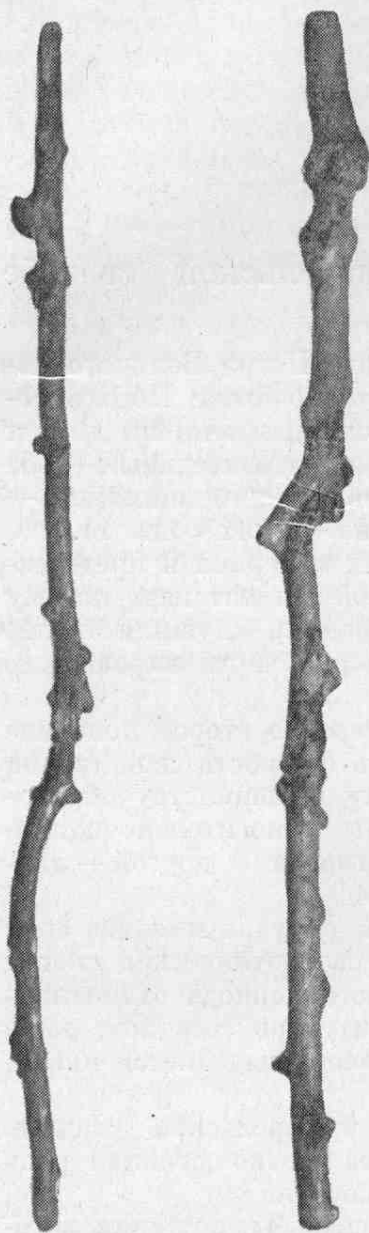

Рис. 1. Козичендашаувы с шишкообразными наростами (МАЭ, №№ 6606-1,2).

«патьяшка». У карельского населения южных районов Карелии (у ливвиков и людиков) в этот период обязанности колдуна уже в значительной мере были ограничены, а в некоторых местностях участие колдуна в свадьбе носило вообще скрытый характер и сводилось к чисто магическим функциям. У людиков, а отчасти и у собственно карел колдун, участвующий в свадьбах, назывался *клетникка* (явно заимствованное у русских слово «клетник») и *тиедойник* — букв. «знающий» (ср. русские слова — ведун, знахарь), а у ливвиков — только *тиедойниекку* — «знающий» в значении колдун. Таким образом, собственно карельский патьяшка отличался от тиедойниекку и клетника не только названием, но в той или иной степени также функциями. Тем не менее они имели между собой очень много общего, особенно патьяшка и клетникка.

Одним из таких объединяющих признаков можно считать наличие у колдунов, относящихся к разным этническим группам карел, одинакового арсенала магических средств. Некоторые из этих средств магического воздействия на явления природы, на животных или на людей в ряде мест могли подвергнуться переосмыслению и даже совершенно утратить свое религиозно-магическое значение, тогда как у других этнических групп, в другой обстановке те же средства могли сохранять еще долгое время свое, если не первоначальное, то все же более раннее значение.

Именно к таким, частично переосмысленным, явлениям можно отнести наиболее архаичный атрибут патьяшки — его ольховый посох, известный у карел под названиями *козичендашаува*, *козиншаува* и просто *шаува* (букв. — сватальный посох и просто посох). Уже по названию видно, что посохом пользовались при сватовстве (кстати, для патьяшки — в отличие от клетника — характерно,

что он обычно приступал к исполнению обязанностей колдуна и руководителя свадьбы начиная со сватовства).

Сам по себе обычай использования посоха для сватовства известен у довольно многих народов. В частности, есть сведения, что еще в XIX в. палка являлась неременной принадлежностью свата или дружки у рус-

Finnen in «heiligen» Situationen. FFC, t. 164, Helsinki, 1956, s. 60; P. Virtaranta. Vienan kansa muistele. Porvoo—Helsinki, 1958, s. 629, 641, 671—674; Г. Х. Богданов, ук. соч., стр. 51.

ских в Тульской, Пензенской и Владимирской губерниях.⁵ Аналогичное применение палки известно также у некоторых народов Севера.⁶

В этнографической литературе свадебный посох нередко считают продуктом фаллической символики.⁷ Однако карельский материал позволяет, как нам кажется, найти другое объяснение, по крайней мере для данного случая. Козичендашаува имеет ряд существенных особенностей, которые дают основание говорить о его связи с древнейшими слоями религиозных представлений.

Духовная культура карел, в частности их религиозные верования, изучена совершенно недостаточно. Несмотря на то что главному чину карельской свадьбы — патьвашке и его магическим атрибутам (в том числе и жезлу — козичендашауве) было уделено немало внимания, вопросом о происхождении карельской ритуальной палки специально никто не занимался.

Между тем кое-какие материалы по этому вопросу имеются.

Так, в 1854 г. в архив Русского географического общества поступила рукопись Ф. Ладвинского «Этнографическое описание, составленное по приходам Паданскому, Седецкому, Марсельско-Паданскому и Ругозерскому», где, сообщая о выдающейся роли колдуна на карельской свадьбе, автор, пожалуй, впервые в истории этнографической науки о карелах упоминает о «толстой волеватой (т. е. свилеватой, — Ю. С.) ольховой палке» как о талисмানে, в котором якобы заключалась вся колдовская сила клетника.⁸

Аналогичное упоминание о том, что «у каждого патьвашки имеется свой посох» и что этому посоху приписывалось магическое значение, содержится в книге финляндского этнографа И. К. Инха о совершенном им в 1894 г. путешествии по северо-западным районам Карелии.⁹

Интересные, но, к сожалению, недостаточно точные сведения о батоге патьвашки находим в рукописном сборнике советского этнографа, археолога и писателя А. М. Линевского.¹⁰

И наконец, остается сослаться на весьма скромное и фактически уже повторное упоминание Д. К. Зелениным ольховой палки как одного из видов посоха, являющегося «необходимой обрядовой принадлежностью свата у очень многих народов».¹¹ Здесь Д. К. Зеленин явно подчеркнул только одну, символическую, сторону в значении посоха.

⁵ П. С. Богословский. К номенклатуре и топографии свадебных чинов. Пермь, 1927, стр. 6—7; Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I, вып. 2. СПб., 1900, стр. 565.

⁶ Ф. В. Плесовский. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968, стр. 4, 15 и 126; А. В. Костиков. Законы тундры. К вопросу о положении женщины у самоедов. Труды Полярной комиссии, вып. 3, Л., 1930, стр. 15—17; Д. К. Зеленин. О старом быте карел Медвежьегорского района КАССР. Советская этнография, сб. статей, № V, 1941, стр. 124, прим. 7.

⁷ Е. Г. Кагаров. О значении некоторых русских свадебных обрядов. Известия Академии наук, Пгр., 1917, стр. 651; Л. Штернберг. Новые материалы по свадьбе. В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, стр. 11, 13; I. Vahros. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. FFC, t. 197, Helsinki, 1966, s. 117.

⁸ АГО, р. 25, оп. 1, № 5, л. 10; Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива имп. Русского географического общества, вып. 2. Пгр., 1915, стр. 902.

⁹ I. K. Inha, op. cit., s. 146.

¹⁰ А. М. Линевский. Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района. Археолого-этнографический сборник, 1936—1937 гг. (Рукопись). Научный архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 32, № 194, стр. 234. — А. М. Линевский ошибочно указывал, что материалом посоха являлась рябина.

¹¹ Д. К. Зеленин. О старом быте карел..., стр. 119, 124 (прим. 7).

Действительно, символическое значение козичендашаувы не подлежит сомнению, и оно особенно возросло в послереволюционный период, постепенно вытеснив религиозно-магическое. Очевидно, этим объясняется тот факт, что со временем сваты даже у собственно карел все чаще стали пользоваться любыми палками, а не только ольховыми. Тем не менее в некоторых местностях карелы до сих пор помнят о том, что в свадебных обрядах ольховый посох в руках патьвашки был необходим в качестве оберега.¹²

Следует заметить, что у карел известны были в конце XIX—начале XX в. и другие атрибуты старшего свата. Так, у карел-людиков Кондопожского и Пряжинского районов, так же как у соседнего русского населения, признаком свата служил конец мотовила (у собственно карел — *хангач*, у людиков — *ханжак*), а не козичендашаува.¹³

Кроме того, в литературе имеется немало сведений о том, что обычным атрибутом патьвашки являлся также кнут. Примечательно, однако, что у карел района Калевалы кнут (*руошка*), которым пользовались патьвашки, был нередко весьма своеобразен: он состоял из небольшого черенка и прикрепленной к нему шкурки-летяги;¹⁴ материал черенка автору пока неизвестен, но не исключено, что это могла быть ольха.

В результате проведенных автором в 1964—1968 гг. полевых обследований ряда районов Карелии выявлено, что козичендашаува, по-видимому, представляет собой в какой-то степени и общекарельское явление (по крайней мере в пределах КАССР).

В пользу такого утверждения говорит многое. Показательно уже то, что границы районов бытования ольхового посоха в основном совпадают с границами современного расселения основных этнографических групп карел, а кое-где даже перекрывают их. Несмотря на то что большая часть сведений (в том числе литературных) о козичендашауве относится к районам Средней и Северной Карелии, где проживает собственно карельское население, собранные нами материалы показывают, что еще в начале нашего века и даже позднее такой же посох, применялся иногда клетниками в качестве жезла по крайней мере у людиков, а отчасти и у русского населения Кондопожского района.¹⁵ Впрочем, среди русского населения Кондопожского района, частично также среди людиков и ливвиков Пряжинского района подобные ольховые палки зафиксированы главным образом как трости, которыми пользовались старики.¹⁶

Превращение козичендашаувы в обыкновенную декоративную трость можно считать результатом общей эволюции, которую претерпела духовная культура, и в том числе свадебная обрядность, карел. Не исключено что здесь могло сказаться и культурное воздействие соседних народов, и прежде всего русского. В то же время широкое бытование ольховых тростей, а тем более применение их еще в начале века в качестве символического жезла свата не только у людиков, но также у русского населения

¹² Сообщено нашим информатором М. К. Кондратьевой (с. Вокнаволок Калевальского района).

¹³ Материалы Д. К. Зеленина, ААН СССР, ф. 849, оп. I, № 268, л. 253; P. Virtaganta. Lyydiläisiä tekstejä, t. III. Helsinki, 1964, s. 44—45.

¹⁴ Материалы И. Марттини. SKSA, 1902, E 83, s. 117—118; U. Holmberg-Narva. Kauko-Karjalan häärinot. Turun yliopiston julkaisuja, Sarja B, t. IX, Turku, 1929, s. 209.

¹⁵ Сообщения М. В. Павловой (дер. Ригосельга Сележского сельсовета), М. М. Баровой (дер. Ояжа того же сельсовета) и Я. В. Германова (дер. Уница) и др.

¹⁶ Одна такая «хитрая палка», как назвал ее наш информатор, житель дер. Мягрозера Ламбасручейского сельсовета, П. И. Власов, была у Н. М. Федоскова, жителя дер. Красной Сельги (Заонежье), умершего в возрасте 103 лет в 1957 г.

Кондопожского района позволяет предполагать, что карелы тоже могли оказать известное влияние на своих русских соседей.¹⁷

Чем же отличается козичендашаува от обычных декоративных посохов и почему именно она оказалась атрибутом колдуна на карельской свадьбе?

Все сведения о козичендашауве сходятся в одном: посох был, как правило, ольховый, причем это должна быть не гладкая ольховая палка, а обильно покрытая естественными наростами — по-карельски *паккулами*. Кстати, русское население Кондопожского района так и называет такие посохи — «палки с пакулами».

Как известно, всякие болезненные, естественного происхождения наросты на дереве, по религиозно-магическим представлениям карел (и не только карел), считались весьма эффективным средством при знахарстве и колдовстве.¹⁸ Однако гораздо существеннее было то, что традиционный посох должен быть непременно ольховый. Надо сказать, что у финно-угорских народов вообще сильно развит был культ растительности, а культ деревьев особенно, причем культ ольхи занимал в нем видное место. Так, у ряда прибалтийско-финских народов, в том числе у карел, распространены были еще до недавнего времени представления, что ольха обладает магической способностью излечивать больных и оберегать от злых духов и колдунов.¹⁹ По литературным сведениям с ольхой были связаны у карел и финнов также некоторые обряды любовной магии.²⁰ Большой интерес для нас представляют сведения В. Н. Белицер о тотемном происхождении культа ольхи у коми: «Ольха (ловпу) почиталась как дерево жизни, в нее якобы переселялись души умерших».²¹ Что же касалось непосредственно карел, то довольно ясные отголоски представлений об ольхе как о священном дереве — тотеме встречаются в карельских эпических песнях. Особенно четко, как считает В. Я. Евсеев, они выступают в песне о поездке Вяйнямейнена к огромной ольхе, которая вместе с другими деревьями выросла на подбородке умершего предка Антеро Випунена.²² Тотемным характером, по-видимому, объясняются также отраженные в эпосе магические свойства ольхи: Вяйнямейнен, настрогав ольховых щепок, обращается к ним, чтобы узнать, куда исчезли с небосвода похищенные Лоухи солнце и луна, и «жребий бога» дает точный ответ.²³

Нельзя не обратить внимание и на то, что сам характер применения ольхового посоха в карельской свадьбе также весьма красноречив. Мы

¹⁷ Подтверждением близости карел и русского населения северо-западной части Прионежья служат традиционные, поддерживаемые и поныне брачно-родственные связи между людиками и русскими Лижемского, Уницкого и других сельсоветов.

¹⁸ И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, стр. 37.

¹⁹ Holmberg. Metsän peitossa, KV, № 3, 1923, ss. 28, 30, 34; T. Lehtisalo, Lepästä sielupuuna suomensukuisilla kansoilla. KV, № 14, 1934, ss. 76—85; Kansanomainen lääkitietous. Toimittanut Matti Hako. SKST, t. 229-4, Helsinki, 1957, s. 203; R. E. Nirvi. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä Itämerensuomalaisissa kielissä Riista ja kotieläintalous. SKST, t. 223, Helsinki, 1944, ss. 239—248; E. Aaltonen. Leppä Suomen Kansan taioissa. SKSA, 1915, F. 48; Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 234.

²⁰ И. В. Оленев, ук. соч., стр. 37; U. Harva. Suomalaisten muinaisuusko. Porvoo, 1948, ss. 248—249.

²¹ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. Труды Института этнографии, новая серия, т. XLV, М., 1958, стр. 322.

²² В. Я. Евсеев. Карельский фольклор в историческом освещении. Л., 1968, стр. 109.

²³ Калевала, руна 49, строка 77 и далее; Карельские эпические песни. Предисловие, подготовка текстов и комментарий В. Я. Евсеева. М.—Л., 1950, стр. 47—48.

уже говорили о значении козичендашаувы как оберега, защищающего жениха и его свиту, а затем и его невесту от «порчи» и от всяких напастей, которые могли быть причинены злыми людьми и духами. Характерными следует считать и некоторые обряды, в которых козичендашаува играла очень важную роль. Так, по известному обычаю перед тем как отправиться сватать, патьвашка продевал свой посох сквозь одежду, которую затем жених надевал на себя.²⁴ Во время вручения подарков со стороны невесты жениху и его родственникам патьвашка обычно передавал эти дары своим посохом; также посохом нередко снимался плат, которым была закрыта невеста. Заслуживает внимания и то обстоятельство, насколько важно было сохранить козичендашауву, чтобы недруги не сломали ее, иначе патьвашка потеряет магическую силу.²⁵ Но особенно интересен обычай, в котором можно, пожалуй, увидеть даже отголосок жертвоприношений родовому тотему: у некоторых этнических групп карел принято было привязывать к рукоятке посоха либо шкурку белки, либо особый мешочек с различными талисманами, либо просто ленту.²⁶ И надо сказать, что не только у известных патьвашек, но у каждого, кто рассчитывал оказаться в почетной роли патьвашки, козичендашаува была готова заранее.

Даже в наше время, когда магическое содержание этого атрибута свата уступило место декоративно-символическому, кое-где в карельских деревнях старики еще хранят на чердаке свою козичендашауву. Еще иногда и теперь, хотя очень редко, пользуются грозным атрибутом родового колдуна для того, чтобы придать больше торжественности традиционно исполняемым церемониям сватовства и свадьбы.

Одну такую козичендашауву автору удалось получить в июне 1965 г. в дер. Сельге Селецкого сельсовета Медвежьегорского района от ныне покойного И. Е. Локкина (родился в 1907 г. в дер. Сельге), по профессии ветеринарного врача. Посох принадлежал еще деду Ивана Ефимовича, Петру Евсеевичу, затем перешел к отцу, Ефиму Петровичу, и уже от него был унаследован Иваном Ефимовичем в качестве семейной реликвии. Посох использовался И. Е. Локкиным, например, в 1953 г. при успешном сватовстве И. П. Маркова. Последний раз с этим посохом И. Е. Локкин ходил сватать в 1956 г.²⁷

Посох представляет собой искривленную ольховую палку длиной 110 см, верхний конец ее оструган. На палке имеются многочисленные наросты, один из которых отколот.

²⁴ Soumen kansan vanhat runot, t. II. Aunuksen, Tverin ja Novgorodin-karjalan runot. Julkaisut A. R. Niemi. SKST, t. 144, Helsinki, 1927, s. 630, № 1068.

²⁵ Ср. отмеченные А. М. Линева предосторожности, которые предпринимал карельский пастух для сохранения магической силы своего батога (А. М. Линева. Материалы к обряду «отпуска» в пастушестве Карелии. Этнограф—исследователь, 1928, №№ 2—3, стр. 42).

²⁶ I. K. I n h a, op. cit., s. 249. — Здесь уместно провести заманчивую параллель между козичендашаувой и мордовской «свечой предков» (*атянь штагол*) или, точнее, характерной подставкой для этой свечи. Судя по описанию М. Е. Евсеева, родовая свеча вставлялась «в липовую палку около аршина длиной. Палка эта служит как бы подсвечником для свечи. Она должна быть непременно кривая и с корой» (М. Е. Евсеев. Избранные труды, т. V. Историко-этнографические исследования. Саранск, 1966, стр. 368). Как видим, М. Е. Евсеев совершенно определенно указал на неперемные качества палки, аналогичные качествам козичендашаувы: она должна быть кривой (козичендашаува искривлена уже благодаря наростам) и с корой (кора оставалась, хотя и частично, также и на козичендашауве); размеры приблизительно соответствовали, вид дерева тоже был определен: мордовская палка обязательно делалась из липы, а карельская — из ольхи.

²⁷ № 6006-1. — Приведенные сведения получены автором от И. Е. Локкина и от его сына, учащегося Петрозаводской культпросветшколы В. И. Локкина.

Вторая палка (шаува) получена автором в июне 1967 г. в дер. Вокнаволок Калевальского района от И. Н. Перттуева, родившегося в 1906 г. в дер. Ладвозеро. И. Н. Перттуев находится на пенсии по старости, в летнее время занимается пастушеством. Палка была изготовлена им только как декоративный посох. Ни о символическом, ни тем более о магическом значении шаувы И. Н. Перттуев не сообщил, объяснив свое увлечение палками традицией.

Длина палки — 111 см, в том числе длина оструганной рукоятки — 11 см. Палка имеет двойной изгиб в средней части и слабо изогнутую рукоятку.²⁸ Обилие крупных и мелких наростов действительно придает ей декоративный вид.

В настоящее время мы не располагаем сведениями о количестве имеющихся в Карелии ритуальных ольховых посохов. Во всяком случае предпринятые автором попытки найти хотя бы еще одну палку оказались безуспешными.

Весьма скудно представлены козичендашаувы и в краеведческих музеях Карелии. В фондах Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР коллекция палок в основном состоит из декоративных тростей, но содержится несколько ритуальных посохов. Из числа последних наиболее характерными являются два (рис. 2).²⁹

Первый из них отличается от обычных посохов патьвашки тем, что в верхней его части на крупном наросте вырезано человеческое лицо. Длина палки вместе с приделанной к ней точеной рукояткой — 122 см. По преданиям, палка сохранилась от так называемого «паданского короля», каковым, вероятнее всего, мог являться какой-нибудь авторитетный колдун или даже старейшина рода. Посох был доставлен в бывший Олонецкий музей управ-

Рис. 2. Палка «паданского короля» в фас и профиль (КГМ, № 264/18-3).

²⁸ № 6606-2. — По сообщениям наших информаторов, в районе Вокнаволока и Ребол шаувы с естественно изогнутой рукояткой были обычным явлением.

²⁹ КГМ, №№ 264/18-3, 265/18-4.

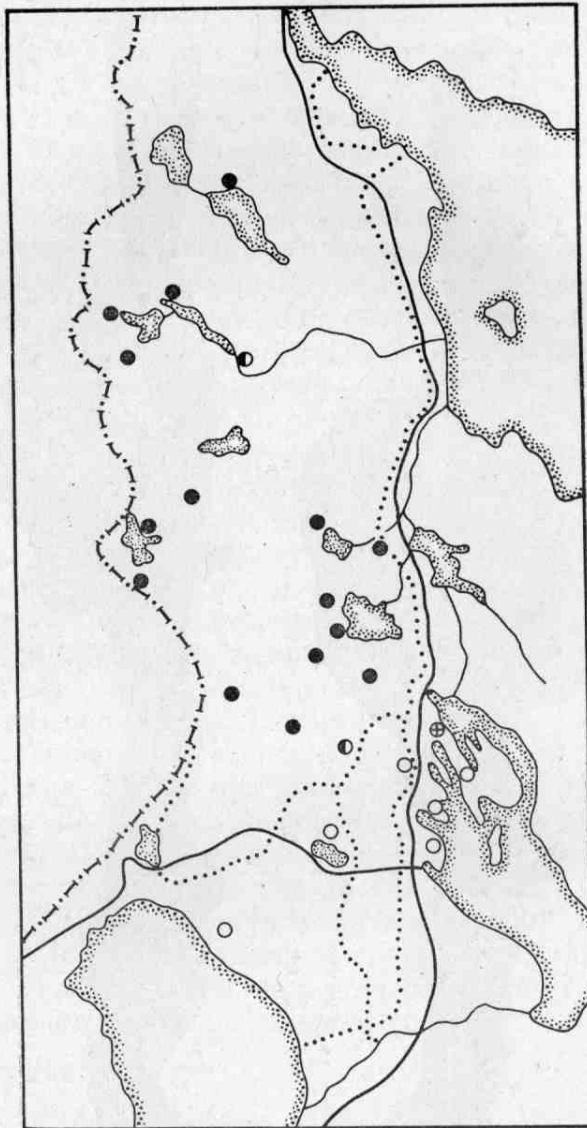
телем Валазминского завода А. А. Александровым в период с 1871 по 1884 г.³⁰

Особенностью второй палки являются прибитые к ней медные колечки. Длина палки — 113 см, конец её выточен для рукоятки. Доставлена в Музей также до 1884 г. помощником петрозаводского уездного исправника Н. Н. Воскресенским,³¹ что позволяет предполагать, что

палка принадлежала жителю Петрозаводского уезда (данные о месте и времени приобретения отсутствуют).

Большой интерес представляет собой также ольховая палка с пакулами, хранящаяся в настоящее время в Выставочном зале г. Кондопоги (инв. № 42). Она приобретена, по сообщению одного из организаторов музея С. В. Шежемского, в русской деревне Тулгубе Янишпольского сельсовета в 1967 г. Служила она, насколько известно, декоративной тростью.

И наконец, следует назвать козичендашауву, полученную учителем К. А. Траушкиным для краеведческого музея при Паданской средней школе от жителя дер. Юкко-губы Паданского сельсовета М. М. Федотова в

Условные обозначения:

- Применение только в качестве ритуального жезла.
- Применение посоха в качестве декоративной трости.
- ⊕ Применение посоха в качестве ритуального жезла и декоративной трости.
- ⊙ Применение посоха в качестве ритуального жезла известно, но не обязательно.

Рис. 3. Карта распространения посоха свата.

1964 г. Посох М. М. Федотова аналогичен козичендашауве, принадлежавшей И. Е. Локкину.

Здесь перечислены лишь известные нам ольховые посохи. В будущем, надо полагать, число выявленных в Карелии ритуальных жезлов пать-

³⁰ Олонецкий музей, естественно-промышленный и историко-этнографический, основан при Губернском статистическом комитете в 1871 г. Каталог предметов, поступивших с 1871 по 15 мая 1884 г., составлен старшим чиновником особых поручений при олонецком губернаторе Ф. Шелюковым (Петрозаводск, 1884, стр. 78, № 2512-37).

³¹ КГМ, № 2513-38.

вашки возрастет. Разумеется, со временем значение ольховых палок могло у разных этнических групп коренного населения Карелии переосмыслиться, функции могли также измениться, магический атрибут карельского колдуна действительно мог кое-где сохраниться до наших дней лишь в качестве декоративного посоха, как это видно хотя бы на примере упомянутой выше палки из дер. Тулгубы. Однако материал и форма таких посохов настолько характерны, что уже на основе этого можно утверждать, что они принадлежат к традиционным карельским козичендашаувам или по крайней мере генетически связаны с ними.

Итак, козичендашаува — явление, весьма интересное прежде всего в этнографическом плане. Несмотря на то что мы не имеем практически никаких сведений о бытовании его у других этнических групп карел за пределами КАССР,³² собранный нами полевой материал позволяет предположить, что козичендашаува как традиционный посох патьвашки являлся специфической особенностью свадебной обрядности карел КАССР. Дальнейшее изучение свадебной обрядности карел и соседних народов несомненно даст более глубокое и всестороннее представление о том, каково происхождение института патьвашки в целом и насколько самобытным, специфически карельским явлением следует его считать (рис. 3).

³² После того как статья была написана, автор получил возможность ознакомиться с коллекциями тростей, хранящихся в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки). В этих коллекциях насчитывается более десятка ольховых посохов, которые в основном идентичны имеющимся в наших музеях. Представлен здесь, в частности, и типичный посох патьвашки (№ 4522-135), приобретенный в районе Ребол. Большинство же посохов поступило в Национальный музей из разных районов Финляндии: два — из Юлийминки (№№ 377 и 378), один — из Хаусярви (№№ 8967-1392), один — из Икалинен (№ 350), один — из Пиелавеси (№ 8617) и один — из Аскола (№ 8967-1393). Все эти посохи известны как декоративные трости — «старинные палки». Особый интерес для нас представляет коллекция из бывшего Салминского уезда, приобретенная предположительно в 1906 г. и состоящая из четырех посохов (№№ F 1620—1623). Такие посохи, согласно коллекционной описи, известны были у карел-ливвиков под названием «ольховая палка Вяйнямейнена». Материалы Национального музея значительно расширяют границы территории, где зафиксировано бытование ольховых посохов, не опровергая в то же время наше предположение об их генетической связи с жезлом карельского колдуна.